

М. А. Бекетова

УСТРОЙСТВО БОТАНИЧЕСКОГО САДА. ПРОФЕССОРСТВО

В 60-х гг. XIX века преподавание ботаники было очень неудовлетворительным. Даже за границей лаборатории были обставлены крайне бедно и микроскопы были столь несовершенны, что можно было только удивляться, как могли тогда люди серьезно работать с подобными приборами. У нас дело обстояло, разумеется, еще хуже. Все пособия по ботанике ограничивались несколькими пачками плохих гербариев и куском мела для записей на доске.

А. Н. Бекетов сразу понял всю невозможность успешно преподавать свой предмет при столь жалких условиях, так как систематика ботаники требует прежде всего наблюдений над живыми растениями. В голове его возник план, который он осуществил со свойственной ему энергией и настойчивостью. Он считал, что нужно создать ботанический сад при Университете. Университетское начальство долго не соглашалось, мотивируя свой отказ тем, что в Петербурге уже есть прекрасный ботанический сад на Аптекарском острове, но А. Н. Бекетов победил предубеждения Совета. Согласие было ему дано на основании того, что при всех университетских городах, кроме Петербурга, были свои ботанические сады. Он поставил на вид, что преподавание ботаники возможно только на том условии, если ботанический сад будет находиться совсем близко от университета, так как дальние расстояния и слушание лекций по остальным предметам, часто требующее вдобавок лабораторной работы, отнимают слишком много времени.

Получив согласие Совета, и ознакомившись с окрестностями университета, А. Н. Бекетов нашел и место для ботанического сада. За стеной университетского двора начиналось пустое пространство земли около двух десятин. Эта узкая полоса очевидно заброшенного и непригодного места была частью так называемого в то время Павловского училища. А. Н. Бекетов возымел счастливую мысль обратиться к военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину (Д. М. Милютину принадлежала мысль заметить рекрутчину всеобщей воинской повинностью и улучшить быт солдат), с которым был знаком еще со времени своей работы в «Русском Инвалиде». Он был известен не только своим либерализмом, но и просвещенностью. За его научные труды по истории войны с Францией в 1799 г. он получил от Петербургского университета звание доктора русской истории, а от Академии — корреспондента Академии. А. Н. Бекетов просил министра уступить университету место за плацем Павловского училища. Д. А. Милютин предоставил университету нужный участок земли безвозмездно. Добившись этого блестящего результата, Андрей Николаевич стал думать о средствах, необходимых для осуществления своего плана. Совет предоставил ему часть специальной суммы денег

Бекетова Мария Андреевна (1862–1938) — дочь Бекетова Андрея Николаевича, заведующего кафедрой в 1861–1896 гг.¹ Печатается по материалам рукописного отдела ИРЛИ РАН. Ф. 462. № 18*. Рукопись датирована 1936 г.

¹ Данная статья и последующие представлены куратором гербария кафедры ботаники СПбГУ В. А. Бубыревой: e-mail: bubyreva@mail.ru

© М. А. Бекетова, 2013

от университета, которая копилась 3 или 4 года. К ним присоединил он еще 3 тысячи, пожертвованные его другом, известным ботаником М. С. Ворониным. Д. М. Милютин предоставил участок земли за Павловским училищем с тем, чтобы он был использован только для ботанического сада Петербургского университета.

В 60-х гг. XIX века в России смотрели на систематику растений очень узко, полагая, что эта наука сводится к перечислению растений, их классификации и описанию внешнего вида. А. Н. Бекетов смотрел на это совершенно иначе, считая, что его предмет тесно связан не только с другими отраслями ботаники, но и со всеми естественными науками вообще. Как и в своих научных работах, так и в методе преподавания, он всегда отличался широкими взглядами.

Получив нужную сумму, А. Н. Бекетов горячо принялся за устройство ботанического уголка. На участке земли, отвоеванном для нужд университета, был разбит сад, посредине которого на несколько возвышенном месте был построен каменный дом в три этажа, близ которого сооружена оранжерея с тремя отделениями: холодным для растений нашего климата, двумя другими — для растений из более теплых стран, считая тропические и субтропические, где росли пальмы и древовидные папоротники (рис. 1). В доме была аудитория для студентов и кабинет А. Н. Бекетова, часть пособий и квартиры ученого садовника и лаборанта. Сад был на южной стороне и примыкал к университетскому двору. С этой стороны был забор, а с противоположной, примыкавшей к плацу Павловского училища, каменная стена, посредине которой построили впоследствии небольшую обсерваторию. Ботанический дом был снабжен многочисленными пособиями, служившими для практических занятий студентов и наглядного обучения. В шкафах были микроскопы наилучших для того времени образцов с набором инструментов для препарирования растений, кроме того, А. Н. Бекетов положил основание прекрасному гербария, который постоянно пополнялся: он пожертвовал университету гербарий среднеазиатской флоры, составленный отцом его жены Г. С. Карелиным и его помощником студентом И. П. Кириловым. Помимо того,

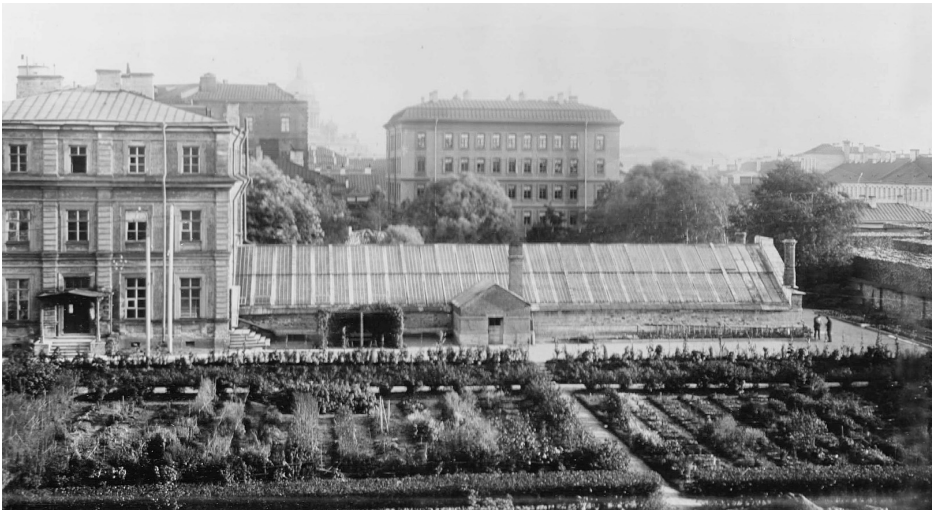

Рис. 1. Кафедра ботаники с оранжереями. Фото начала XX века
Из архива музея Санкт-Петербургского университета.

благодаря заботам и счастливой мысли А. Н. Бекетова, аудитории были снабжены несколькими сотнями прекрасно исполненных акварельных таблиц с изображением растений различных семейств и видов и сильно увеличенными частями цветов и плодов. Эти таблицы исполнялись на дому у А. Н. Бекетова под его руководством и принадлежали другу Бекетовского дома талантливой художнице Екатерине Петровне Ипатовой.

*Рис. 2. Большая ботаническая Аудитория
Из архива музея Санкт-Петербургского университета.*

Андрей Николаевич (рис. 2) доставлял ей материал для срисовывания и наблюдал за ее работой, так как сам был не только знатоком живописи, но и талантливым рисовальщиком и акварелистом. Его рисунки карандашом и акварелью были поистине художественны. Он не только срисовывал с натуры, но и обладал способностью живо и точно нарисовать от руки любой предмет, начиная с растений и кончая людьми и животными. Под таким руководством талантливая художница достигла блестящих результатов. По словам ученика А. Н. Бекетова, профессора Х. Я. Гоби, он не встречал таких прекрасных и полных таблиц ни в одном из иностранных университетов, которые случалось ему посещать, да и вообще студенты Петербургского университета в ботаническом доме, созданном Александром Николаевичем, были обставлены с такой исключительной и остроумной заботливостью, которой не мог похвалиться ни один университет того времени, не считая и заграничных (в шкафах ботанического дома были еще картологические и дендрологические коллекции, присланные различными ботаническими учреждениями). Ботанический сад был также устроен по особому плану: «в одной половине его был вырыт небольшой пруд, посажены деревья и разбиты прекрасные цветники, в другой было целое поле, засаженное разнообразными видами цветковых растений». Таким образом, и оранжереи, и сад постоянно поставляли живые растения,

на которых могли учиться студенты. В ботаническом доме был также кабинет А. Н. Бекетова, где он ежедневно работал, а также кабинет, устроенный профессором А. С. Фаминцыным для занятий по физиологии растений. В небольшом доме, построенном в стороне от главного здания, жил лаборант, состоящий при лаборатории для работ по физиологии растений.

Как ученый, А. Н. Бекетов отличался широтой взглядов. Не будучи узким специалистом, он интересовался всеми отраслями ботаники, следил за всем ходом ее развития и за всем выдающимся в этой науке. Кроме того, он интересовался и другими науками, особенно физикой, химией, зоологией и геологией, и, следя за важнейшими обобщениями научной мысли, повергал их критике и составлял свое собственное оригинальное воззрение на каждое явление растительного мира. По его словам, задача наук состоит именно в том, чтобы уразуметь закон мировой гармонии и в этом смысле все науки составляют одно нераздельное целое. Те же взгляды проводил он и в своей профессорской практике, причем обладал большим педагогическим талантом. Читая на 1-м курсе лекцию о систематике растений такой аудитории, которая еще только начинала знакомиться с естественными науками, он понимал, что если сразу начать свои лекции с многочисленных и мелких фактов систематики растений, не осветив их общей мыслью, эта сухая материя показалась бы скучной, и потому А. Н. Бекетов начинал с того, что заинтересовывал студентов вопросами анатомии, физиологии и морфологии. С увлечением рассказывал он слушателям то о теории утолщения клеточной оболочки, то об опытах Буссенго над азотистым питанием растений, о теории Дарвина, об эволюции видов и т. д. Эти лекции должны были служить введением в новый курс систематики. Но Андрей Николаевич, как говорил один из многих его учеников Николай Иванович Кузнецов, так увлекался общими вопросами ботаники, так долго читал нам это введение в курс систематики, что введение закончилось к концу учебного года, а систематику мы так и не слушали. И нельзя сказать, чтобы от этого аудитория что-либо потеряла; нет, она только выигрывала, и слушатели под конец учебного года выходили из аудитории А. Н. Бекетова вполне ознакомленные с общими вопросами и принципами ботанической науки и биологическими вопросами вообще, а ближайшее ознакомление с фактами систематики уже не представляло для них непреодолимой трудности. Тут им было предоставлено широкое поле «самостоятельности». Андрей Николаевич считал, что одни лекции и учебники не могут служить для настоящего изучения систематики растений. Этой наукой можно овладеть только на практике, наблюдая живые растения и разбирая гербарии. А практические занятия студентов были так блестяще и разносторонне обставлены в ботаническом уголке, устроенном А. Н. Бекетовым, что ему оставалось только руководить ими, не теряя времени на подробный курс его предмета в тесном смысле этого слова. Он сразу вводил студентов в научную сферу и приучал их к обобщению, что дало прекрасные результаты. Несмотря на то что А. Н. Бекетов не был блестящим оратором, студентов сразу заинтересовывала его манера говорить, и число его слушателей все увеличивалось. В этом смысле могли соперничать с ним, насколько я знаю, только Д. М. Менделеев да И. В. Сеченов. Ясность и простота изложения играли важную роль в усвоении его предмета; но, вероятно, очень важно было и то, что при разборе какого-нибудь частного явления, Андрей Николаевич всегда проводил на своих лекциях еще какую-нибудь мысль общего, не только ботанического, но и общепhilosophического характера и умел подыскивать и группировать вокруг этой мысли ряд примеров в столь

стройном порядке, что эта мысль выяснялась слушателям во всех подробностях и за- падала в них на долгие годы.

Ко всему сказанному нужно прибавить, что А. Н. Бекетов читал свои лекции не по иностранным учебникам и руководствам, а вполне самостоятельно. Это был собствен- ный курс ботаники, оригинальный, им самим разработанный, в котором все важные вопросы ботаники, затронутые выдающимися учеными, освещались, однако, соб- ственной точкой зрения лектора на науку, на ее цели, задачи и выводы, причем лектор с одинаковым вниманием останавливался на анатомии и физиологии растений.

Свой курс ботаники А. Н. Бекетов изложил в книге, которая вышла в 1883 г. под названием «Учебник ботаники». Она более чем на половину занята введением в курс систематики цветковых растений, сама же систематика, в основу которой Андрей Ни- колаевич положил систему Бенгтама и Гуккера, изложена вкратце, давая, однако, до- статочно точную характеристику всех семейств цветковых растений. Он очень интере- совался вопросами морфологии; две главы учебника: внешняя и внутренняя архитек- тура растений, составляли весьма оригинальную особенность его книги и всегда были одной из любимых тем его лекций. Капитальный труд А. Н. Бекетова «Курс ботаники для университетских слушателей» в двух томах со многими рисунками был напеча- тан уже вторым изданием в 1889 г. Это была справочная книга по всей систематике растений, скорее предназначенная для специалистов по ботанике, для магистрантов, чем для слушателей университета, и поэтому она не входила в курс его лекций. Это серьезное исследование было в то же время в виде оригинальной книги по систематике растений на русском языке. В настоящее время она, конечно, устарела и требует зна- чительных изменений и добавлений, но все же стоит совершенно особняком в русской научной литературе: и ни до А. Н. Бекетова, ни значительно позже, никто из русских ученых не дал оригинального руководства по систематике растений.

Отношения А. Н. Бекетова с учениками были исключительно близкими. Он во- обще любил молодежь, но общий научный интерес еще больше сближал его со свои- ми слушателями. Он был на редкость доступен, рад был помочь советом и направить в нужную сторону. Студенты тоже очень любили его за чисто отеческое отношение к ним, за неизменную его доброту и гуманность и особенно ценили за подход к их на- учной работе. Никогда не стесняя их мнений, он направлял их в своем духе, но предо- ставлял полную свободу идти своим путем. И эта благородная терпимость особенно привлекала к нему студентов.

Излюбленным предметом А. Н. Бекетова была география растений. Большинство его научных трудов так или иначе касается этой науки. Как мы уже упоминали, А. Н. Бе- кетов дал России первую книгу по географии растений. Сделавшись профессором Пе- тербургского университета, он первый в России начал читать специальный курс гео- графии растений. Это был курс необязательный, но он так заинтересовал студентов, что число его слушателей все возрастало, и Андрей Николаевич создал целую школу геоботаников, причем организовал ряд экскурсий в различные местности России, испра- шивая для этого средства съездов и обществ естествоиспытателей. Он с любовью руководил данной отраслью знания, способствуя ее дальнейшему развитию в России. Результаты исследований молодых геоботаников печатались в изданиях вышеупомя- нутых обществ и таким образом распространялись по всей России. Здесь нужно заме- тить, что ученики А. Н. Бекетова, проходившие курс геоботаники, интересовывались и географией в специальном значении этого слова, в результате чего в географическом

обществе составила целая группа ботаников-путешественников, большинство которых были его ученики, а впоследствии ученики его учеников.

А. Н. Бекетов принадлежал к типу ученых-общественников. Все его начинания имели общественный характер. Таков его широко задуманный план новой системы преподавания своего предмета, основанный на создании целого сложного учреждения, таковы и многие другие стороны его деятельности, о которых будет сказано ниже. В настоящей главе придется вернуться назад.

Водворившись в Петербурге и заняв кафедру ботаники в университете, А. Н. Бекетов задался мыслью издать книгу о флоре Петербургской губернии. В своей статье «Взгляд на состояние исследований Петербургской растительности» он указывает на то, как мало сделано у нас в этом отношении, и сравнивает результаты изучения Бранденбургской флоры, достигнутые П. Ф. Ашерсоном в Германии, с нашими жалкими данными. Он объясняет эту скудость низким уровнем и научного образования в России и, чтобы не быть голословным, указывает, что при составлении Бранденбургской флоры П. Ф. Ашерсоном приняло участие 330 лиц, в числе которых много материалов дали учителя, фармацевты, пасторы, землевладельцы, фабриканты и даже мастеровые. «У нас, — сказал Бекетов, — флора обширнейшего нашего отечества должна была изучаться двумя, тремя специалистами, не встретившими по большей части ни сочувствия, ни понимания». Ратуя за привлечение большого числа добровольных работников, А. Н. Бекетов указывает на необходимость скорейшего издания «Петербургской флоры» на русском языке.

В 60-х гг. XIX века в среде русских ученых возникло новое научное учреждение: организовывались съезды естествоиспытателей и врачей. К этому начинанию, имевшему громадное значение для развития русской науки, особенно горячо отнесся А. Н. Бекетов. Он был членом-учредителем Петербургского общества естествоиспытателей и первым его секретарем, а в течение 19 лет его президентом. А. Н. Бекетов сделался постоянным и особенно деятельным участником этого дела, он состоял председателем распорядительного комитета, на обязанности которого ложились все приготовления к приему и размещению иногородних членов съезда, организация по распределению дней и часов занятий съезда и экскурсий для осмотра всех научных учреждений, музеев и т. д. На втором общем собрании им была произнесена речь о естествознании как предмете общего образования. Обязанность секретаря общества естествознания при Петербургском университете Андрей Николаевич исполнял 10 лет, затем он состоял председателем ботанического отделения, с 1874 по 1881 г., а с 1881 г. до последней своей роковой болезни был президентом общества, причем десять лет, с 1870 по 1880 г. редактировал труды общества, принимая деятельное участие во всех заседаниях.

С целью поднятия уровня научного образования русского общества А. Н. Бекетов читал научно-популярные публичные лекции по вопросам естествознания и печатал в газетах фельетоны и заметки на те же темы. С той же целью он издал целый ряд переводов иностранных классических книг по ботанике и географии растений. Среди этих книг особенно видное место занимает перевод двухтомного сочинения Гризебаха «Растительность Земного шара» со многими примечаниями и дополнениями переводчика, касающихся русской флоры.

Здесь необходимо отметить еще одно дело, имевшее большое значение для развития и распространения ботаники России. Оно относится к позднейшей деятельности А. Н. Бекетова. В 1886 г. он основал вместе с учеником своим профессором Х. Я. Гоби

ученый журнал «Ботанические записки» (*Scripta botanica*), издаваемый при созданном им Ботаническом саде. Это был первый в России ботанический журнал, в котором исследования русских ученых печатались с прибавлением более или менее подробных переводов или резюме на одном из иностранных языков — преимущественно на немецком или французском. Результатом было то, что мало-помалу и за границей стали охотно меняться своими научными журналами с «Ботаническими записками», и, таким образом, университетская библиотека Петербурга стала пополняться научными журналами не только по ботанике, но и по другим предметам естествознания. В первом же выпуске этого журнала А. Н. Бекетов напечатал свое исследование под названием «Екатеринославская флора», о котором будет подробно сказано ниже. Между прочим в этом журнале вместе с другими статьями стали печататься работы его учеников, отражая, таким образом, всю ученую деятельность ботанической кафедры Петербургского университета.

Заграничная командировка. Германия, Швейцария, Италия и Париж

В 1865–1866 гг. А. Н. Бекетов получил длительную командировку за границу. Он побывал в Германии, в Швейцарии, в Италии и в Париже. Цель его путешествия состояла в осмотре ботанических садов и знакомстве с учеными, а также в ознакомлении с классическими по своей природе странами Европы. Составив проект широкого плана с заездами в Лондон и в Бельгию, он не смог его осуществить из-за чрезвычайно низкого курса русских денег и войны Пруссии с Австрией. Путешествие его по Германии было наименее удачно, так как он попал туда первый раз во время каникул (в конце августа и в начале сентября), большинство немецких профессоров были в отлучке.

На обратном пути из Италии А. Н. Бекетов еще раз заехал в Германию, но на этот раз ему помешала австро-прусская война, которая могла бы задержать его возвращение в Россию через Вену. Ему не пришлось побывать в южной Германии, где его особенно привлекал Мюнхен, так как там жил знаменитый Нэгели, к которому у него было рекомендательное письмо. Пришлось ограничиться Северной Германией. Он побывал в Берлине, Дрездене, Гейдельберге и Фрейбурге. Во всех этих городах он осматривал ботанические сады, а также побывал в университетах и слушал лекции с целью ознакомления со способом преподавания профессоров. Он нашел, что дело это в очень хороших руках, и в статье своей об этом путешествии пишет, что лучшая школа для молодых людей есть Германия, что подтверждается еще и тем, что в Германию ездят не только русские, но также англичане, американцы и даже французы. Так было в те времена.

Из Фрейбурга А. Н. Бекетов проехал в Швейцарию через Берн и Шавгаузен в Хур, с намерением осмотреть горную флору и собрать образчики горных древесных пород. Из Хура Андрей Николаевич сделал несколько пешеходных экскурсий и успел основательно обозреть горную природу. Он прошел через пихтовые и лиственничные леса; собирая также образцы отрезков кустов и деревьев, встречающихся в России, так как он желал сравнить влияние климата на одни и те же породы в разных местностях.

Самое длительное и особенно приятное путешествие совершил А. Н. Бекетов по Италии. Он спустился из Швейцарии по Бергельской долине, направляясь в Ломбардию, и прошел через хвойный лес: сначала встречались кедры и лиственницы, затем ели, а ниже всего оказались каштаны, увитые виноградом. Ломбардия со своим мягким

климатом и роскошной растительностью совершенного его очаровала. Он побывал на оз. Комо, в городке Белладжио; осматривал виллы с роскошными садами, поднимался на гору Монте Примо и прошел дальше за озеро. Везде поражала его экзотическая природа теплых стран. В садах росли лавры, буксы, магнолии, одной из которых было 80 лет. Кроме того, местами росли лимоны и померанцы. Из Белладжио А. Н. Бекетов проехал в Милан и во Флоренцию. Этот город он избрал как центр отправления в другие места, где провел целых пять месяцев: осень, конец зимы и весну. Здесь он познакомился с известным ученым Парлаторе и несколькими другими. Парлаторе дал ему письмо к инспектору лесов бывшего герцога Тосканского, так как Андрей Николаевич пожелал их осмотреть, а попасть туда очень трудно вследствие отсутствия дорог. Приехав в место пребывания инспектора лесов Скамоне, он нашел в нем необыкновенно гостеприимного хозяина и притом человека образованного. Ученый-лесовод предоставил в распоряжение Андрея Николаевича весь свой дом и познакомил его со своим взрослым сыном, который занимался ботаникой. Этот молодой человек ходил с ним целых два дня по великолепным апеннинским лесам, состоящим главным образом из буков и пихты. Замечательно, что буки там выше пихт и покрывают вершины и гребни гор. Лес раскинулся на 30 миль и заключал в себе огромные мачтовые деревья. Пихты были так толсты, что Андрей Николаевич видел деревья, которые в отрубе были почти в человеческий рост. Инспектор Скамоне дал ему возможность составить коллекцию из отрезков различных деревьев.

Во Флоренции А. Н. Бекетов осматривал ботанические сады, один из которых был основан около 300 лет тому назад. Директор этого сада, известный ученый, тоже предоставил в его распоряжение коллекцию отрезков деревьев. Эти образцы Андрей Николаевич предназначил для университетского ботанического кабинета и переслал их при случае в Петербург через профессора А. С. Фаминцына.

Посетив побережье Генуэзского залива и Ниццу, он убедился в том, что климат здесь еще умереннее, чем в Ломбардии, и потому растительность еще богаче. Лимоны, апельсины и олеандры составляют в ущельях целые заросли. Во многих местах есть пальмы. Возвращаясь из Флоренции весной, А. Н. Бекетов занялся между прочим составлением акварельных и контурных рисунков растений с натуры для второго тома «Курс ботаники для университетских слушателей». Этой весной ему предстояла еще одна интересная экскурсия из Флоренции. Он отправился в Пизу, где осмотрел прекрасный ботанический сад, а затем побывал в знаменитой пизанской маремме, т. е. равнине, лежащей между морем и уходящими вглубь страны Апеннинскими. Эти мареммы отличаются удивительным плодородием и губительными лихорадками. Местами они заросли великолепными болотистыми лесами, а местами представляют собою большие луга. Эти леса начинаются под самой Флоренцией и переходят в прекрасный парк Кашине (Cascine). За Пизой, по направлению к морю, начинается тоже прекрасный парк, переходящий в сосновые леса. Здесь Андрей Николаевич мог наблюдать на воле особый вид итальянской сосны, называемый пинией, характерной своими зонтикообразными шатрами. Эти пинии известны по видам Неаполя.

В декабре 1866 г. Андрей Николаевич переехал из Италии в Париж. Он хотел познакомиться с французскими ботаниками, осмотреть основательно "Jardin des plantes" (Сад растений), приобрести для себя рабочий материал и начать исследование того, что он успел собрать в различных странах, и изучить влияние на него разного климата с тем, чтобы уяснить себе, можно ли от задуманных исследований ожидать

плодотворного результата. Он познакомился с целым рядом ученых, в числе которых были и академики. Ему была предоставлена возможность заниматься в ботаническом музее. Это замечательное учреждение совмещает в себе один из богатейших современных гербариев и почти все, что есть по части ботаники на европейских языках. Каждый, имеющий какую-нибудь рекомендацию, получает позволение заниматься здесь с утра до четырех часов. Андрей Николаевич получил в свое распоряжение стол, на котором расположил свой микроскоп. Он занимался там во все время всего своего пребывания в Париже и, кроме того, стал посещать Французское Ботаническое Общество, и наконец был принят в качестве члена этого общества. Заявив о необыкновенной любезности и услужливости по отношению к иностранцам парижских ученых, Андрей Николаевич констатирует, что ботаника в Париже и вообще во Франции на гораздо более низком уровне, чем в Германии. В Париже есть хорошие систематики, но те, которые занимаются другими отраслями ботаники: анатомией, морфологией, физиологией и т. д., ни в какое сравнение с германскими учеными не идут. Есть несколько ученых, которые следят за новой наукой, но все они узкие специалисты. Некоторые анатомы до того отстали, что даже не имеют понятия о тех средствах, которые употребляются при исследовании не только германскими, но и русским учеными. В Ботаническом Обществе не было интересных сообщений, некоторые из них представляли собой повторения, давно уже сделанные с гораздо большим успехом немцами.

Вступив в члены Французского Ботанического Общества, А. Н. Бекетов сделал там сообщение о начальных результатах своих исследований. Эти исследования касались следующего: собрав образцы одних и тех же видов из разных стран, он надеялся впоследствии решить вопрос о том климате, при котором заметнее влияние на строение одного и того же вида растения, произраставшего в разных местах. Андрей Николаевич собрал образцы из высоких мест Швейцарии и Белладжио, из Апеннин, из-под Флоренции, из-под Парижа и из России, обратив внимание главным образом на анатомические различия, которые указывают на влияние климата, особенно ясно выраженное в коре апеннинской березы.

Французская флора не имеет в себе ничего особенно характерного, и потому то, что Андрей Николаевич жил в Париже зимой, не было для него потерей. В "Jardin des plantes" и в других местах Парижа он познакомился с устройством оранжерей, которые послужили ему впоследствии полезными указаниями при устройстве оранжерей университетского сада.

Живя в Париже, А. Н. Бекетов поселился в скромном пансионе, где ежедневно встречался со студентами, и из разговоров с ними многое узнал о их жизни. Он бывал и в театрах, и на студенческих балах в качестве наблюдателя, и т. д., словом, хорошо ознакомился с Парижем и написал о нем целую статью. Но я оставлю в стороне все, что касается его наблюдений о нравах Парижа, так как это завело бы нас слишком далеко, а к биографии А. Н. Бекетова отношения не имеет. Что касается его личной жизни, скажу следующее.

Несмотря на большой интерес, вызванный поездкой Андрея Николаевича по столь разным странам, он сильно тосковал по семье, особенно по жене, которая с осени 1865 г. поселилась в имении своей сестры А. Г. Коваленской — Дедове, в одном из флигелей, где было неудобно и тесно, так как детей было уже пятеро и младший, Коля, очень болезненный мальчик. В большом дедовском доме, кроме семьи Александры Григорьевны, состоящей из трех дочерей и двух сыновей, жила еще мать и старшая сестра А. Г. Кова-

ленской. Андрей Николаевич, уехавший в командировку в июле, уже во время первой поездки в Италию начал усиленно звать жену к себе. Она колебалась, не желая оставить детей, но, в конце концов, уступила мужу и в декабре месяце приехала к нему в Париж, который ей понравился, но далеко не так, как ему, так как он чувствовал к французам исключительную симпатию, а от Парижа был в восхищении. Оттуда Бекетовы проехали в Италию, которая очень понравилась обоим. Они с необыкновенной быстротой научились свободно говорить по-итальянски и охотно заводили там дружеские сношения, тем более, что итальянцы народ веселый, общительный и любезный, а время тогда было интересное — гарибальдийское движение и первые шаги короля Виктора Эммануила, которого итальянцы прозвали *Il re galantoni*. Это плохо переводимое выражение означает: «король любезный, галантный». Бекетовы чрезвычайно сочувствовали и Гарибальди, и итальянскому народу, искренно ненавидя австрийцев. Все это сближало их с итальянским обществом. Припомним отзывы об итальянцах Герцена из его книги «С того берега». Уже одно отношение к женщинам отличало их от большинства европейцев. Итальянский народ, и притом простой народ, увидев русских женщин-интеллигенток, явившихся на одно из важных сборищ политического характера, кричал в виде приветствия: «Вперед иностранок!», и приняли их с чисто рыцарской любезностью. Из Парижа Елизавета Григорьевна попала сначала во Флоренцию, а затем, миновав далекий и слишком жаркий для нее Неаполь, куда Андрей Николаевич ездил один, поехала с ним в Специю. Это путешествие, начавшееся перед самой австро-прусской войной, дало ему интересный материал для целой статьи, о которой я сообщу вкратце. А. Н. Бекетов завел знакомство с капитанами разных наций, корабли которых стояли в Специанском заливе. Это были прусский капитан Кенег, генуэзец Уго Бо и капитан коммерческого судна англичанин Фюрнас. Кенег, командовавший канонерской лодкой «Дельфин», оказался премилым человеком. Андрей Николаевич отзывался о нем, как о любезнейшем и милейшем из прусских капитанов. Ему чрезвычайно нравился его приятный облик белокурого немца с правильными чертами, голубыми глазами и мягкой речью. Кенег был чрезвычайно любезен, его судно, которое посетил Андрей Николаевич, поразило необыкновенным порядком, опрятностью и изяществом. Он был чрезвычайно гостеприимен, угощал посетителей настоящими гаванскими сигарами, самым лучшим вином из Бордо и лучшим шампанским. Но А. Н. Бекетова также поразило то обстоятельство, что прусские матросы были очень исполнительны, но чересчур уж бледны, желты и тихи. Капитан Бо представлял собой полную противоположность Кенегу, хотя они были большие приятели. Он был черный, веселый и очень еще молодой. Юный англичанин Фюрнас, капитан коммерческого судна, представлял собой, по словам А. Н. Бекетова, образец длинноногого англичанина шалопаю. Все трое были чрезвычайно любезны с русскими. Они часто вместе обедали, гуляли и катались по заливу. Фюрнас предоставил Бекетовым свою лодку для поездок в Порте Вэнере, лежащий в конце залива. Сначала они шли на веслах и на парусах, а потом перешли на один из пароходов Фюрнаса, который принадлежал какому-то английскому торговому дому.

Кроме капитанов, Бекетовы завели знакомства со многими итальянцами разнообразных профессий и званий. Тут был и доктор, и какой-то граф, и т. д. Встречались, очевидно, в отеле, стоящем на берегу моря. А. Н. Бекетов подробно описывает этот характерный для Италии и очень хороший отель с большим садом, полным цветов и фруктовых деревьев, расторопным хозяином, добродушной толстухой-хозяйкой и хорошенькой дочкой. Мы коснемся этого только вскользь.

Говоря о Специи, в которой он провел целый месяц, Андрей Николаевич пишет о ней в двух местах своей статьи с разных точек зрения. Первая часть очерка, которую мы уже дали, касается бытовой и отчасти даже увеселительной стороны, вторая, предлагаемая ниже — научной, и написана более сжато. Описывая Специю, лежащую в глубине залива того же имени, он говорит, что это одно из самых привлекательных мест для естествоиспытателя: геолог находит здесь огромные обнажения юрской, меловой и древней, и новейшей формаций, зоолог — разнообразный мир морских животных, ботаник — богатую растительность на земле и обилие водорослей в море. Тишина Специи и возможность расхаживать где угодно, чего не так-то легко добиться около больших городов, также особенно приятна для иностранца. Здесь Андрей Николаевич продолжил пополнять свои рисунки и вместе с тем знакомился с итальянской флорой, так как с весенним временем, перешедшим уже в лето, все возрастало обильно, с большим разнообразием цветов. Особенно заинтересовали его орхидеи, так как в последнее время Ч. Дарвин обратил внимание ботаников на участие насекомых в оплодотворении орхидных и вскоре написал значительное сочинение, которое в высшей степени важно, как подтверждение его теории естественного отбора. Живя в Специи, он сам мог наблюдать доказательства выводов Дарвина. Знакомство свое с итальянской природой Андрей Николаевич закончил медленным переездом по Ривьере — с побережья Генуэзского залива и далее до самой Швейцарии.

Здесь мы вернемся назад, описав поездку в Неаполь, Сорренто и Помпею, во время которой Елизавета Григорьевна предпочла остаться во Флоренции, где не так жарко, а ресурсов для этого интересного и оживленного города особенно много. В Неаполе он осмотрел парк Капо ди Монте и великолепный ботанический сад, полный экзотической растительности, а также побывал на Везувии и посетил Сорренто и Помпею.

Сказав всего несколько слов о Неаполе и только упомянув о Сорренто, Андрей Николаевич написал довольно длинную заметку о Помпее, которую я изложу хотя бы вкратце, так как она очень характерна для его взглядов. Говоря о Помпее, он не описывает ни ее зданий, ни предметов быта, справедливо говоря, что все это давно и многими уже описано. Его поражает и интересует только то, что рисует самый быт древнего Рима. Говоря о том, что римская культура многие века считалась образцом всей Европы, он удивляется этому факту, так как судит о культуре Древнего Рима с точки зрения этики и нравственности. А. Н. Бекетов всегда относился отрицательно к так называемому классицизму не только с точки зрения внедрения древних языков в ущерб естественным наукам, но и с точки зрения идей об особых преимуществах этой культуры. Бродя по узким улицам и переулкам Помпеи, он беспрестанно наткнулся на возмущавшие его подробности. Прежде всего, его поразило, что тюрьма помещалась под храмом, и, по-видимому, была нераздельно с ним связана. Он видит колонну храма помпейской Венеры, а затем заходит в тюрьму, представляя себе вид зловонных узников, гниющих в яме, обложенной камнями. Входя в дом, он видит, что рядом с женской половиной, отделенной от мужской, помещаются клетушки евнухов, охранявших невинность римских матрон, и рядом — клетушки рабов. Далее он осматривает многочисленные лупанарии, т. е. дома терпимости, причем фрески стен и наглядный символ каждого лупанария¹ являют собой предел цинизма. Публичные женщины, по закону римлян, находились под покровительством помпей-

¹ То есть фаллус (греч.) — мужской половой член.

ской Венеры, имевшей три разных названия, одно из которых связано с упомянутым мною символом лупанария и написано на стене угла одного из домов... И последнее, что поражает воображение Андрея Николаевича — это вывеска школьного учителя: человек, держащий на спине мальчика, которого секут розгами. Такова эмблема педагогического способа обучения в Древнем Риме. Все это вместе преисполняет его отвращением и ужасом и утверждает в мысли о том, что классическая, особенно римская культура, была источником разврата, жестокости и других пороков, насажденных ею в страны Европы.

Да не подумает читатель, что Андрей Николаевич был нечувствителен к вопросам искусства. Напротив: он очень любил живопись, скульптуру и архитектуру, знал в этом толк и сам был очень талантливым рисовальщиком и акварелистом. Но вопросы этики занимали такое большое место в его мирозерцании, что он не мог отнестись равнодушно к тому, что он видел в Помпее, особенно ввиду того, что непосредственные впечатления от столь ярко запечатленной действительной жизни древних римлян действовали гораздо сильнее книг.

В заключение, касаясь Италии, Андрей Николаевич говорит, что наука в этой стране стоит на низком уровне и удобств для учащихся там нет, но богатая природа, легкость пользования экскурсиями, необыкновенное богатство ботанических садов, где можно видеть в полном развитии растения, чуждые Европе, все это представляет собой не место для приобретения знаний, каким является Германия, а лучший пункт для ученых исследований после пребывания в германских университетах.

Проводя в Специи целый месяц вместе с женой, А. Н. Бекетов задержался на обратном пути в Россию в Берлине, а Елизавета Григорьевна поспешила в деревню к детям. В Дедове ее ждало большое горе: она застала своего сына Колю в гробу. Остальные дети были тоже не в цветущем виде. При первой возможности Андрей Николаевич вернулся в Петербург и нанял квартиру на Васильевском острове, куда вскоре переехала остальная семья. В 1866 г. он работал над своими статьями по дендрологии и описанием поездки за границу. Последнее почему-то не было опубликовано. В этом же году начались его главные работы по устройству ботанического сада и дома.

В 1867 г. А. Н. Бекетов посетил Всемирную Парижскую выставку, имеется в виду осмотр растительного царства с тем, чтобы при сравнении однородных предметов выяснить влияние на них различных физических и культурных условий. Не имея возможности подробно осмотреть всю выставку, он посвятил все свое внимание отделу сырых материалов (*matières premières*), который помещался в отдельном здании. Здесь были произведения сельского хозяйства, лесоводства, виноделия, плодоводства. Андрей Николаевич обратил особое внимание на лесные продукты, так называемую дендрологию (дендроизучение). На Парижской выставке было много дендрологических собраний, лучшими из которых оказались австрийские и французские. Именно они дали ему наибольшее количество материалов для его предполагаемой работы. Он смотрел также древесно-бумажные фабрики, которые в то время еще не были в употреблении в России. Выделка производилась главным образом из мягкого дерева вроде осины. Это производство, а также новую отрасль, вводимую во Франции, т. е. выделку бумаги из корней люцерны, которую уже начали разводить в России, Андрей Николаевич надеялся с выгодой распространить в нашем отечестве и предложил еще один материал, именно подсолнечник, стволы которого с легкостью можно превратить в бумажное тесто. К этим соображениям он присоединил несколько слов о винограде и виноделии.

Он считал, что географическое распространение виноградников в России может быть подвинуто гораздо севернее, чем в то время, когда писались эти заметки, а касательно виноделия он утверждал, что в России более выгодно распространять местные, преимущественно кавказские лозы, а не лозы Западной Европы, особенно не германские и не французские.

Командировка А. Н. Бекетова 1865 и 1866 гг. и связанный с ней осмотр Всемирной Парижской выставки не дали тех результатов, которых можно было от них ожидать. Он напечатал только две научные статьи: «О пихте Петербургской губернии» и «О влиянии климата на возрастание сосны и ели», так что его работа по дендрологии не может считаться законченной. Объясняется это, очевидно, тем, что А. Н. Бекетов был слишком занят и увлечен устройством университетского ботанического сада, постройкой ботанического дома и съездом естествоиспытателей — словом, своей общественной деятельностью, одной из сторон которой мы посвящаем следующую главу.

Ученики А. Н. Бекетова

Профессорская деятельность А. Н. Бекетова продолжалась около 40 лет, считая два года приват-доцентства и год профессорства в Харьковском университете, всего 37 лет. За это время у него перебивало столько учеников, что, хотя и любопытно было бы сосчитать их число, но, наверно, это слишком сложная задача. Кроме ботаников, составила целая школа геоботаников, из числа которых вышло несколько особо талантливых ученых. Имена многих учеников А. Н. Бекетова встречаются в его научных работах, посвященных ботанике и геоботанике, — между прочим на страницах его последней работы «География растений». Из наиболее ранних учеников А. Н. Бекетова упомянем Ивана Порфирьевича Бородина, ботаника, систематика, перешедшего одно время на физиологию растений, а затем вернувшегося к первой специальности. Это был чрезвычайно талантливый человек, известный академик, недавно ушедший из жизни. Вслед за ним упомянем тоже очень известного и талантливого Климента Аркадьевича Тимирязева, который был специалистом по физиологии растений, но прослушав курс Андрея Николаевича, завязал с ним личное знакомство. Из более скромных, но все же выдающихся учеников А. Н. Бекетова следует упомянуть Х. Я. Гоби, Г. И. Танфильева, Н. И. Кузнецова; о В. Л. Комарове скажу ниже особо.

Очень ярким по разнообразию своих дарований был ботаник А. Н. Краснов, тоже рано умерший. Он был профессором Харьковского университета, предпринимал целый ряд путешествий в самые различные страны, начиная с Кавказа, Крыма и Средней Азии и кончая Америкой, островом Цейлоном, Японией и Индией. А. Н. Краснов отличался особенно бойким пером, пламенным красноречием; после себя оставил не только много научных книг, но и литературно-научных очерков в журнале «Неделя». Особенно выдающейся заслугой его было открытие наиболее важного фактора в развитии растений — влажности, который до тех пор считался второстепенным. А. Н. Краснов был человеком общительным и принимал большое участие в жизни молодежи. Будучи еще студентом, он организовал общество молодых ученых под названием «Маленькие ботаники». К этому обществу принадлежали главным образом студенты последних курсов, но к ним примкнули и настоящие, уже известные ученые вроде И. П. Бородина, М. С. Воронина и др. В него поступили даже некоторые ботаники из Лесного Института. «Маленькие ботаники» каждую неделю собирались по вечерам в одной из квартир

членов этого общества и за скромным ужином, состоявшим из чая с бутербродами, обсуждали научные вопросы. Это очень развивало молодежь. Составлялись доклады и рефераты, возникали интересные споры и пр. Изредка появлялся среди этой молодежи и сам маститый председатель Общества естествоиспытателей Андрей Николаевич. «Маленькие ботаники» работали весело, дружно и много сделали за время своего членства в этом обществе. Многие из них разошлись потом по городам России в качестве профессоров, но вряд ли кто-либо из них мог забыть эти веселые и продуктивные беседы за чайным столом.

В число «маленьких ботаников» входил и Н. Н. Кузнецов, который был профессором Юрьевского университета и директором ботанического сада. Он издавал журнал «Труды ботанического сада Юрьевского университета» и опубликовал ценную работу по флоре Кавказа, в основу которой положен исторический метод. Писал также учебники по ботанике и географии растений. Х. Я. Гоби профессорствовал в Петербургском университете (он был также в числе «маленьких ботаников»). Г. И. Танфильев опубликовал две работы «Предел лесной растительности на Севере» и «На юге России». Избранный в конце декабря 1936 г. на пост президента Академии наук Владимир Леонтьевич Комаров был тоже учеником А. Н. Бекетова и «маленьким ботаником», причем высоко ценил своего учителя. Позднее он несколько лет профессорствовал в Ленинградском университете по ботанике и геоботанике, ученики его побаивались, но чрезвычайно ценили, уважали и любили. Главные работы В. Л. Комарова — «Флора Манчжурии», «Введение во флору Манчжурии и Китая», «Определитель растений Дальневосточного края» и «Флора Камчатского полуострова». Он написал эти книги на основе собственного опыта, так как побывал во всех этих странах.

Кроме научных статей после ректорства А. Н. Бекетов писал и автобиографические заметки и статьи исторического и публицистического характера, а также литературные произведения в более или менее законченном виде.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2013 г.